

К. К. Зельин

ПРИНЦИПЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ЗАВИСИМОСТИ

ВТО время как в биологии в последние десятилетия проявляется огромный интерес к проблемам систематики и остро чувствуется, что разработка этих проблем представляет задачу, решение которой необходимо для биологии в целом¹, в области исторической науки не наблюдается заметного движения вперед в этом отношении. Не только не было сделано попытки выяснить методологические вопросы таксономического исследования² и его связь с общими проблемами исторического изучения, но и в работах, посвященных конкретному анализу данных источников, продолжают применяться — иногда некритически — высшие таксономические категории часто без должного внимания к тем более узким понятиям, которые входят в эти категории, без глубокого анализа признаков, отличающих одни определения от других, без стремления создать какое-то более или менее стройное таксономическое целое.

В марксистской литературе получило решающее значение понятие о **б е с с т в е н н о й ф о р м а ц и и**. «Маркс, — писал Ленин, —...впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»³. Именно понятие общественной формации дало возможность, согласно В. И. Ленину, подойти к процессу исторического развития как к естественноисторическому процессу, выйти из рамок субъективной социологии.

Но признавая все научное значение этого понятия, мы не можем все же не видеть, что исследователи, оперируя понятием общественной формации при разработке конкретного исторического материала, долгое время нередко видели свою задачу главным образом в том, чтобы собрать некоторые факты, которые свидетельствовали бы, по их мнению, о принадлежности данного общества к определенной формации (для античности — рабовладельческой), не учитывая при этом достаточно те многочисленные своеобраз-

¹ Э. М а й р, Э. Л и н с л и, Р. Ю з и н г е р, Методы и принципы зоологической систематики, М., 1956, стр. 25; G. G. S i m p s o n, The Principles of Classification and Classification of Mammals, «Bull. of American Museum of Natural History», т. 85, N. Y., 1945, стр. 1 сл.; J. H u x l e y, The New Systematics, Oxf., стр. 2.

² «Таксономия», согласно обычному словоупотреблению, понимается как синоним систематики.

³ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139; ср. стр. 165 сл.

разные формы отношений, которые входили как элементы в это общее понятие, временами же малоубедительно подводя под общую категорию, характеризующую рассматриваемую формацию (например «рабство»), такие отношения, которые во всяком случае заслуживали бы специального изучения и определения ⁴.

Между тем было бы неправильно, приняв за исходный пункт ту или иную высшую таксономическую категорию, оценивать или даже подбирать факты, казалось бы, подкрепляющие ее. Мы не должны, например, используя таким образом понятие «античного рабства» и решив, что в древности господствовало рабовладение, всюду отыскивать рабов (или тех, кто кажется нам рабами) — и чем в большем количестве, тем лучше, не особенно считаясь при этом со спецификой социально-экономических отношений, подводимых под категорию «рабства», не выясняя достаточно убедительно, играли ли эти отношения определяющую роль в производстве. Известно также, как трудно ввиду состояния источников ответить на последний вопрос. При таком рассмотрении категория «рабовладельческая формация» охватывала всю древность от возникновения государств в Египте и Междуречье в конце IV тыс. до н. э. и до падения Западной Римской империи, т. е. прилагалась, так сказать, без учета пространства и времени. К подобному методу применимы слова Маркса, сказанные по другому поводу (о политической экономии Дж. Ст. Милля): «Удивительный оптический обман — видеть повсюду отношения, которые до сих пор господствовали на земном шаре лишь в виде исключения» ⁵.

В этой связи нам представляется поучительным сопоставление положения в исторической науке с тем, что происходит в настоящее время в области биологии. Там настаивают на необходимости отказа от типологической концепции вида как чего-то неподвижного, однородного и на замене ее концепцией динамической, на необходимости изучать вид с точки зрения его изменчивости, учитывая разнообразные условия, способствующие образованию видов и популяций ⁶. Эти моменты должны быть приняты во внимание и при анализе и классификации такой категории, как социально-экономические отношения. В неразработанности, низком уровне и известном примитивизме систематики следует видеть, как нам кажется, одну из причин, тормозящих успехи исторической науки.

В области науки об обществе мы остаемся в некоторых отношениях примерно на той ступени в развитии систематики, на которой находилась зоология более двух тысяч лет тому назад, когда ученые оперировали широкими морфологическими понятиями — птицы, рыбы, четвероногие и т. д., не основываясь на совокупности существенных признаков, выделенных в результате сравнения опытных данных, не говоря уже о рассмотрении видов животных с учетом их филогенезиса, экологии, географических условий и других факторов, на изучении которых основывается современная, «новая» систематика. При использовании подобных широких понятий, связанных лишь с некоторыми и часто не самыми существенными признаками, доступными поверхностному наблюдению, отдельные виды живот-

⁴ Мы имеем в виду преимущественно подход, характеризующий состояние нашей историографии по античности в 30—40-х гг. В последние десятилетия многое в этом отношении изменилось. В настоящее время многие историки уже не стремятся «приобщить» к рабовладению «в широком смысле этого понятия» (подобно Л. А. Ельницкому — «Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э.», М., 1964, стр. 15) «также и промежуточные социальные состояния», т. е. формы зависимости, которые не являются рабством.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 526.

⁶ Майр, Линсли, Юзингер, укр. соч., стр. 23 сл.

ных могли оказаться входящими в такой разряд, который представлялся бы теперь по меньшей мере им несоответствующим⁷.

Когда мы теперь знакомимся с состоянием таксономических проблем в биологии, то видим, что там иначе подходят к их решению, и мы не только не можем не присоединиться к требованию критического подхода к теории и методам систематики, которые выдвигают биологи, но и не можем оставаться равнодушными к отсутствию этого критического подхода, нередко встречающемуся в области исторической науки. Слова авторов одного из руководств по методам зоологической систематики: «Испытывается острая нужда в анализе и твердой формулировке основ, на которых зиждется таксономический метод»⁸ — полностью применимы и при изучении исторических явлений.

В биологии долгое время основной низшей единицей таксономической системы был вид. В настоящее время известно более 300 000 видов растений и более миллиона видов животных. Эти виды представляют собою тот фактический материал, который предстояло наименовать, описать, расположить в упорядоченной системе. Есть ли что-либо, хотя бы в некоторых только отношениях, соответствующее этому в истории человеческих обществ?

Совершенно ясно, что не имело бы смысла в целях исторического изучения классифицировать людей, входящих в данное общество, по тем или иным их физическим или психологическим признакам. Для этого изучения важен не изолированный индивид, но человек как член общества, отношения между индивидами. Эти отношения — и прежде всего отношения в области материального производства — складываются в значительной мере независимо от сознательной деятельности людей. Таким образом, низшая таксономическая единица при изучении различных общественных структур — это отношение между людьми. И если мы хотим понять основные черты этой структуры, то должны изучать совокупность социально-экономических отношений.

Исходя из сказанного для дальнейшего анализа, мы должны уже сейчас высказать два существенных, на наш взгляд, соображения общего характера. Содержание одного из них соответствует тому, что наблюдается в современной естественнонаучной систематике, другое же связано главным образом с особенностями истории человеческих обществ. Первое заключается в отказе от рассмотрения отношения как чего-то неизменного и однородного. И отношения, подобно видам, обнаруживают изменчивость и целый ряд вариантов и переходных форм. И при их изучении нельзя ограничиваться лишь чисто морфологическими признаками, но приходится учитывать упомянутые выше факторы — экологические, географические, исторические и — что особенно существенно — генетические и трансформационные связи данного отношения, а также его воспроизводство.

Второе соображение, впрочем, связанное с первым, сводится к тому, что в истории мы никогда не встречаемся с изолированным отношением: это отношение всегда оказывается некоторым элементом той или иной сис-

⁷ Историки зоологии отмечали, что слабая сторона аристотелевской зоологии — это классификация, систематического изложения которой у Аристотеля мы не находим (*Histoire des animaux d'Aristote*, trad. par J. Barthélemy — Saint Hilaire, I, P., 1883, Préface, стр. CXVII). Тем не менее уже в начале своей «Истории животных» Аристотель считал нужным сказать о существе различий живых существ, которые он усматривает в образе жизни, деятельности, правах и частях организмов (*Arist., de anim. hist.* A 487^a, 11 сл.: *Αἱ δὲ διαφοραὶ τῶν ζώων εἰσι κατὰ τὰ τοὺς βίους καὶ τὰς πράξεις καὶ τὰ ἔθνη καὶ τὰ μέρη...*), и не раз касается вопросов систематики в последующем изложении (например, G 490^b, 8 сл. и другие места).

⁸ Майр, Линсли, Юзингер, ук. соч., стр. 10.

темы, более обширного целого (племени, общины, государства, храмового хозяйства и пр.).

Остановимся сначала на рассмотрении отдельного отношения. Оно представляет собою также некоторую малую систему, элементы которой связаны друг с другом. Одним из элементов этой системы является и способ их связи. Во всяком отношении зависимости в классовом обществе можно, таким образом, выделить три составляющих его элемента: а) характер связи между тем, кто занимает господствующее положение, и зависимым лицом; б) степень и характер зависимости эксплуатируемого; в) социальное положение, размеры и характер власти того, кто подчиняет последнего и использует его труд. Иначе говоря: «как», «кого» и «кто» эксплуатирует. Каковы же главные особенности этих трех элементов в докапиталистических обществах?

Маркс в «Капитале» не раз противопоставлял капиталистическое общество докапиталистическим в следующем отношении: в капиталистическом обществе господствует как определяющий фактор принуждение э к о н о м и ч е с к о е, тогда как в докапиталистических обществах в основе экономической жизни лежит принуждение в н е э к о н о м и ч е с к о е. Для первого характерно стремление к прибавочной стоимости, для вторых — стремление к накоплению стоимости потребительной. При капитализме товарное хозяйство достигает своего высшего развития, тогда как в докапиталистических обществах этого высшего развития товарного производства, когда богатство общества принимает форму товара, не наблюдается. Таким образом, в логическом отношении мы имеем д и х о т о м и ю: две широкие категории, охватывающие все классовые общественные структуры, — 1) докапиталистические и 2) капиталистическое общества.

В чем различие между ними, если сопоставить основное социально-экономическое отношение при капиталистическом строе и то общее, что имеется во всех социально-экономических отношениях в докапиталистических обществах, пока не останавливаясь на различиях в этих отношениях, не дифференцируя их? Кто, как и кого эксплуатируют там и здесь?

При капиталистическом строе средства производства в руках капиталиста, пролетарий лишен этих средств. Рабочие вынуждены продавать свою рабочую силу, чтобы не умереть с голоду. Это — принуждение э к о н о м и ч е с к о е: «Нищета гонит их на рынок — писал еще Лэнге, — где они ожидают господ, которые сообразовали бы их купить»⁹.

В докапиталистических обществах при всем разнообразии существующих в них форм зависимости есть нечто общее в отношениях эксплуататоров к эксплуатируемым. Это общее заключается в том, что в этих отношениях чаще всего можно подметить наличие принуждения н е п о с р е д с т в е н н о г о (в самых различных вариантах). Раб или крепостной работают не потому, что их гонит нужда, что они боятся умереть с голоду, а потому, что их принуждают работать в интересах другого. Лишь капитализм «отделяет земельную собственность от отношений господства и рабства»¹⁰.

При рассмотрении указанного коренного отличия капиталистического строя от всех, во многом очень отличающихся друг от друга общественных структур докапиталистической эпохи, перед нами возникают два вопроса: 1) чем же обуславливалось это отличие? и 2) чем отличаются формы зависимости в докапиталистических обществах друг от друга, в чем причины этих отличий?

Экономическая структура докапиталистических обществ в значительной мере основывалась на непосредственном господстве. Условием существ-

⁹ Цитировано Марксом: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. I, стр. 349.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 166—167.

воования подобной структуры была сравнительно низкая степень развития производительных сил¹¹. Только крупное промышленное производство дает возможность заменить непосредственное принуждение, в каких бы формах оно ни проявлялось, принуждением экономическим, когда свободный рабочий, лишенный средств производства, вынужден под давлением нужды продавать свою рабочую силу капиталисту. Во всех докапиталистических обществах определяющее значение имели поземельные отношения: кому принадлежала земля, кто и как работал на ней, каковы были отношения между собственником земли и тем, кто ее обрабатывал.

Ответ на второй вопрос мы можем надеяться получить лишь при тщательном изучении конкретного исторического материала о докапиталистических обществах, который свидетельствует о необыкновенном обилии и разнообразии форм социально-экономических отношений. Это многообразие отношений было совершенно ясно для автора «Капитала». Говоря об отработочной ренте, он писал: «Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»¹².

Таким образом, хотя во всех отношениях зависимости в области материального производства можно усмотреть единое начало непосредственного господства и подчинения, но это начало проявлялось в самых различных формах.

Отдельное отношение всегда составляет, как уже говорилось, некоторый элемент структуры «экономического строя [Gemeinwesen]», по выражению Маркса¹³, а потому значение и формы зависимости могут быть поняты лишь на фоне и в связи со всей системой. Именно в этом отношении необходимо подчеркнуть различие между биологией и историей.

Синэкология, или наука о растительных сообществах и о сообществах животных, казалось бы, имеет некоторые точки соприкосновения с тем, что можно наблюдать при изучении общественных структур. Представители того или иного ботанического (или зоологического) вида в сообществе живут в определенной среде, испытывая с ее стороны воздействие (благоприятное или неблагоприятное), и сами, в свою очередь, оказывают влияние на жизнь других организмов в таком сообществе и вообще на окружающую среду. Некоторые экологи за рубежом и у нас считают возможным говорить о «социологии» растений¹⁴, иные идут еще дальше и признают сообщества растений (фитоценозы) за организмы, так сказать, третьего порядка¹⁵. По этому поводу нельзя не согласиться, нам кажется, со словами советского редактора труда Мак-Дуголла В. В. Алехина, что подобное сопоставление представляет собою механистическую аналогию, «так как явления того и другого порядка качественно различны, и, конечно, в фитоценозах нет и не может быть никаких социологических закономерностей»¹⁶.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 89.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.

¹³ Там же, стр. 354.

¹⁴ J. B r a u n - B l a n q u e t, Pflanzensoziologie Grundzüge der Vegetationskunde, Wien — N. Y., 1964.

¹⁵ В. Б. Мак-Дуголл, Экология растений, М., 1935.

¹⁶ Там же, стр. 4 (предисловие В. В. Алехина).

В науке об обществе хорошо известны аналогии с биологическими понятиями. Мы имеем в виду прежде всего органическую теорию общества в XIX в. (Г. Спенсер, Шеффле и др.), согласно которой общество рассматривалось как некий организм и в его структуре обнаруживали органы и функции, подобные органам и функциям живого организма (мозгу, желудку, почкам, их отправлениям и пр.). Органическая теория давно признана несостоятельной. Но и точка зрения Мак-Дуголла и других, усматривавших в лесе или болоте особый организм, не является убедительной. Тем не менее нельзя не заметить, что идея об аналогии между организмом и сложной системой (сообществом организмов или даже человеческим обществом) возникала как у социологов, так и у биологов. Мы хотим сказать, что было бы ошибочно переносить наблюдаемые по отношению к растительным или зоологическим сообществам явления или законы на человеческое общество, но нельзя не признать, что все же некоторые сходные черты имеются. Это сходство заключается не в одинаковых закономерностях, но в том, что и здесь и там мы находим тесную связь отдельных элементов, входящих в данную систему, с целым¹⁷. Едва ли можно отрицать, что в обществе отдельное социально-экономическое отношение зависит от целого, что оно должно рассматриваться на фоне всей экономической структуры того обширного целого, в которое оно входит. Ленин не избегал употреблять термин «организм» в применении к обществу, хотя нет никаких оснований думать, что он был сторонником органической теории. Этот термин мы находим у него в связи с мыслью о том, что общество представляет собою некое целое, все элементы которого взаимосвязаны¹⁸.

Что же представляет собою это «целое», это структурное единство?

Обычно полагают, что структура общества однозначно связана с формой собственности. Обратимся к работе, в которой эта мысль проводится с предельной четкостью и является руководящей при решении основной проблемы, интересующей автора, и при разработке огромного конкретно-исторического материала, собранного в этой работе, — к исследованию Е. М. Штаерман «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи» (М., 1957).

«Характер производственных отношений обуславливается, как известно, формами собственности на средства производства. Формы собственности определяют положение и взаимоотношения различных социальных групп»¹⁹. Таково исходное положение автора. Каждой из форм собственности соответствует преобладающее определенное социально-экономическое отношение, выражавшее способ эксплуатации²⁰. Далее намечаются четыре формы собственности в Римской империи: рабовладельческая, общинная, собственность частных лиц на так называемые «экзимирированные салтусы» и государственная (императорская). Многообразные данные источников и рассматриваются в дальнейшем изложении с этой точки зрения: четыре формы собственности являются ключом к объяснению и социально-экономического развития империи и ее политических судеб, и даже идеологической борьбы. Стройная концепция, оригинальность мысли, исключительная эрудиция делают рассматриваемый труд выдающимся явлением в нашей исторической литературе.

¹⁷ Cp. L. Bertalanffy, *Das biologische Weltbild*, I, Bern, 1949, стр. 11: «Ныне, однако, во всех науках выдвигаются проблемы, выражаемые понятиями „целостность“, „организация“, „форма“, главный корень которых в области биологии». Берталянффи, впрочем, склонен чрезмерно подчеркивать исключительное положение биологии в системе наук. В частности, понятия «целого», «системы» выдвигаются сейчас отнюдь не только потому, что корень этих понятий в биологии.

¹⁸ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165, 167.

¹⁹ Штаерман, ук. соч., стр. 25.

²⁰ Cp. там же, стр. 26, 30, 41, 44, 47 сл.

Однако с методической стороны трудно согласиться с некоторыми утверждениями автора.

Что такое рабовладельческая форма собственности? Мы читаем, что для нее характерны античное рабство с неограниченной властью господина над рабом, лишенным средств производства и являющимся собственностью господина, и вместе с тем ограниченная собственность владельца на основное средство производства — землю²¹. Первая часть этого определения указывает на отдельное (пусть — преобладающее, по мнению автора) социально-экономическое отношение. Вторая часть относится не к этому отношению эксплуататора к эксплуатируемому, но к характеристике общественной структуры в целом. Присмотримся к этой второй части.

«Конечно, — замечает автор, — частная собственность на землю существовала и владелец практически мог распоряжаться принадлежавшим ему имуществом по своему усмотрению» (там же). Таким образом, античный владелец имущества — это частный собственник, и характерный признак частной собственности — возможность по своему желанию распоряжаться объектом — наличием. Тем не менее, по мысли автора, перед нами ограниченная собственность. Эти ограничения следующие: возможность занятия необработанного в течение двух лет участка любым желающим, наличие городских земель и стремление сохранить их фонд, повинности и расходы владельцев в пользу города, регулирование цен на продукты питания, случаи отобрания императором земли в провинциях для вывода на нее колонии и пр.

Можно, разумеется, сказать, что наличие городских земель и стремление сохранить этот земельный фонд еще не обуславливают ограничения земельной собственности граждан, так же как и регулирование городом цен на продукты питания; что отобрание императором земли в провинциях — явление иного рода, чем ограничение права собственности городом как коллективом землевладельцев и рабовладельцев. Но все же не в этом, как нам кажется, существо рассматриваемой проблемы. Важнее было бы выяснить два других вопроса, а именно: 1) совпадает ли понятие ограниченной собственности с понятием владения, и если эти понятия тождественны, то какое значение имела не только форма собственности, но и форма владения землей для возникновения и развития определенных социально-экономических отношений? 2) определяет ли о д н о з н а ч н о форма собственности (в данном случае та, что называется античной) господствующее социально-экономическое отношение, т. е. тот способ, которым, говоря словами Маркса, «неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей»²², и если так обстоит дело, то как понять эту связь между формой собственности и формой эксплуатации?

Думается, что оба поставленных вопроса следует решать, исходя из данных источников. Сейчас же мы приведем лишь некоторые соображения общего характера.

Поскольку Маркс высказывает уже упомянутое нами положение о несвободе, «которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства», то следует предположить, что форма собственности либо остается той же, либо изменяется. Если она остается той же (т. е. феодальной), то, следовательно, формы «несвободы» зависят не от нее (т. е. от формы собственности) или, вернее, не только от нее, а от чего-то еще. Если она (форма собственности) изменяется, то какая же форма приходит ей на смену? Обычно принимается первое, т. е. что во всех этих случаях остается прежняя форма собственности, которая впоследствии сменяется буржуазной.

²¹ Там же, стр. 26.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

Из сказанного приходится также сделать вывод, что не только форма собственности определяла формы и характер эксплуатации, но и формы владения и ряд других факторов. Только этим и можно объяснить «бесконецные вариации и градации» экономических форм присвоения прибавочного труда.

Определение собственности у Маркса понимается, на наш взгляд, иногда несколько узко. Ведь Маркс писал в известном письме к Анненкову²³ что общественные отношения «в совокупности (разрядка моя — К. З.) образуют то, что в настоящее время называют *собственностью*». Между тем если принять, что для каждой из форм собственности характерно одно определенное социально-экономическое отношение, выражающее способ эксплуатации, то естественно, и начинают везде видеть и отыскивать именно это отношение (как это бывало нередко в нашей историографии 30-х гг.), тогда как фактические данные во всем своем многообразии не поддаются такому истолкованию.

Нам представляется, что причиной этого несоответствия теории и действительности является то, что при этом не учитывается, в какой мере и в каком именно отношении докапиталистические общества отличаются от капиталистических. Их классовая структура характеризуется большей сложностью: в них существовала целая лестница различных общественных положений²⁵. И если и тогда «угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг к другу», то антагонизм этот носил иной характер и разобраться в нем гораздо труднее ввиду сложности общественной структуры.

Этим объясняются многочисленные, не вполне удачные, на наш взгляд, попытки объяснить классовую борьбу в античности. В этих объяснениях общество иногда представляется расколовшимся на два основных класса — рабов и рабовладельцев, а среди последних намечаются те классы или прослойки, которые характеризуют буржуазное общество XVIII—XIX вв.: реакционная землевладельческая аристократия, умеренный и неустойчивый торговый класс и т. д. Между тем материал источников не поддается усилиям уложить его в эти привычные для нас рамки, объяснить его привычными для нас категориями. Понятно, что неубедительность тех или иных попыток отнюдь не свидетельствует о неправомерности положения о значении борьбы классов в процессе исторического развития, но свидетельствует лишь о трудности понимания этой борьбы в древности.

В докапиталистических обществах существовали не только классы, как в бессословном буржуазном обществе, но и *сословия*, причем те и другие обычно в очень значительной мере не совпадали друг с другом. Классы современного капиталистического общества предполагают юридическое равенство, которое не существовало до капитализма²⁶. Наличие сословий и соответствующих форм собственности не давало возможности социальным элементам, сходным по своему месту и роли в производстве, слиться в единый класс. Процесс исторического развития уже сравнительно рано привел к тому, что в рамках отдельных сословий стали намечаться острые противоречия, стало обозначаться деление на собственно классы, но принадлежность к сословию (например принадлежность к гражданству полиса, т. е. возможность пользоваться правами, недоступными для неграждан и несвободных, и так или иначе эксплуатировать последних) была важнее, чем специфические формы зависимости внутри сословия (отношения: землевладелец — арендатор, владелец мастерской — ремесленник и

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 406.

²⁴ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 167.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 424 сл.

²⁶ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 475 сл.

т. д.)²⁷. Когда же развитие общества привело к тому, что одни обладали средствами производства и притом нередко в больших масштабах, а другие оказались лишенными даже средств существования, то это противоречие и побуждало к борьбе внутри сословия за право гражданина пользоваться поддержкой государства, получать клер и пр. Поэтому и можно наблюдать, например, в Греции IV в. до н. э. и позднее выступления демоса против *δυνατοί*, т. е. богатых граждан, а не выступления крестьян, ремесленников и т. д.

Все сказанное позволяет, как нам кажется, сделать вывод, что без учета юридических категорий нельзя понять и исторически объяснить и самые формы зависимости и классовую борьбу в докапиталистических обществах. Формы собственности ставили известные рамки при распределении средств производства между сословиями, но сами по себе еще не определяли о д н о з н а ч н ы м образом функционирование социальной системы, которое зависело от целого ряда внутренних и внешних условий.

Одна из основных задач исторического исследования и заключается в том, чтобы определить, какова была связь между всей системой какого-либо из докапиталистических обществ и комплексом многообразных развивающихся социально-экономических отношений, между сословиями и классами (а не только отношением — доминантой). Собственность на средства производства — основа производственных отношений. Но сложность указанной задачи в том, что совокупность производственных отношений определяется и всей системой в целом (ее морфологией) и морфологическими и функциональными особенностями отдельных социально-экономических отношений, входящих в состав системы. Эта сложность связана с тем, что в докапиталистических обществах мы всегда встречаемся с различными формами личной зависимости, с теми или иными вариантами применения внеэкономического принуждения, что находит выражение как в строении всей системы, так и в отдельных социально-экономических отношениях.

Существование сословий делает неизбежным несовпадение их с классами. Правовое положение людей может быть одинаковым, а фактическое (т. е. форма зависимости) различным²⁸. Сословие царских земледельцев в эллинистическом Египте охватывало весьма различные социальные элементы²⁹: от крестьянина, которого по приказу администрации отправляли в принудительном порядке на какую-нибудь работу и постоянный труд которого мелочно регулировался той же администрацией, и до тоже «царского земледельца», обладавшего крупным имением, большими денежными средствами и державшего в зависимости от себя множество людей. В древности раб мог оказаться в иных случаях в таких же или даже еще лучших условиях, чем свободный³⁰. И наоборот: человек мог быть юридически свобод-

²⁷ К. К. З е л ь и н, Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э., М., 1964, стр. 173.

²⁸ Ср., например, резкое изменение положения рабов в Аравии после дарования концессий на нефтяные месторождения в 1947 г. (R. M a u g h a m, The Slaves of Timbuktu, N. Y., 1961, стр. 2 сл.).

²⁹ К. К. З е л ь и н, Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры, М., 1960, стр. 193; В. В. С т р у в е, Общественный строй эллинистического Египта, ВИ, 1962, № 2, стр. 75.

³⁰ Ср., например, положение и деятельность некоторых рабов по документам нововавилонского и персидского времени, когда эти рабы фактически пользовались самостоятельностью, обладали правоспособностью, располагали имуществом, движимым и недвижимым, заключали сделки различного рода и т. п. (M. S a n N i c o l ò und H. P e t s c h o w, Babylonische Rechtsurkunden aus dem 6. Jh. v. Chr., Münch., 1960, № 7; O. K r ü c k m a n n, Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen, Weimar, 1931, стр. 16; G. C a r d a s c i a, Les Archives des Murašu, une famille d'hommes d'affaires babyloniens à l'époque perse (455—403 av. J. Chr.), P., 1951, стр. 12 сл.).

ным и в то же время находиться в тяжелой зависимости, подвергаться принуждению и угнетению. В истории древнего мира можно наблюдать возникновение классов в рамках сословий и постоянное их изменение в зависимости от общих исторических условий, тогда как сословия отличаются большей стабильностью (ср., например, общее социальное и юридическое положение рабов в Греции и их фактическое положение в различных отраслях производства в различные периоды ее истории).

Мы хотели бы, чтобы наша мысль была правильно понята, когда мы говорим о правовом статусе тех или иных лиц и об их экономическом положении. На ранних ступенях общественного развития неизбежно было применение насилия со стороны отдельных лиц или государства (и других юридических лиц) в области экономических отношений. Принуждение составляло необходимый компонент экономической системы. Публичное право вообще не является лишь элементом надстройки, а в докапиталистических обществах оно неразрывно связано с экономикой, служит выражением этой экономики ³¹, поскольку последняя основывается на внеэкономическом принуждении. В праве и выявляется в общей форме, к кому и отчасти какого рода может быть применено принуждение. Это право складывается на основе системы социальных отношений, и вначале юридический статус до известной степени совпадает с фактическим положением — господствующим или зависимым — тех или иных частей населения, их политическое положение определяет их роль в экономике государства, они представляют собою классы-сословия. Но применение права обуславливается не только этой общей структурой общества, но и рядом других факторов, о которых уже шла речь. Поэтому вскоре наблюдается несоответствие между юридическим и фактическим положениями, хотя в процессе дальнейшего развития может наступить момент нового их сближения.

Различие между капиталистическим и докапиталистическими обществами заключается не в том, что в первом все определяется экономикой, а в последних — политикой или религией, как это утверждали еще во времена Маркса ³², а в том, что при капиталистическом строе это воздействие экономики на другие стороны жизни общества, так сказать, обнажено, выявляется непосредственно, а до эпохи капитализма оно опосредствовано установлением в действующем праве определенных юридических категорий. Можно было бы сказать, что форма собственности определяет в о з м о ж н о с т ь того или иного функционирования данного социального элемента в производстве, устанавливает известные рамки его производственной деятельности, открывает путь к тому, чтобы превратить лиц, принадлежащих к классам-сословиям, лишенным определенных прав и привилегий, в угнетаемых или лишенных средств производства подневольных людей, но не определяет однозначно, как этот социальный элемент функционирует, какое место он занимает (или займет с течением времени) в системе производства. Последний вопрос может быть решен не *modo geometrico*, не дедуктивным методом, исходя из анализа формы собственности, но лишь в результате исторического исследования, которое и должно показать, в каком направлении шел процесс общественного развития.

Дельфийские манумиссии с условием парамона делают ясным все значение «несвободы» как общего правового института. При этом условии, т. е. обязательстве работать у манумиссора обычно до смерти последнего или в течение определенного числа лет, социально-экономическое отношение продолжает существовать приблизительно в том же виде: парамонарий

³¹ «...отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 353).

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 91, прим. 33.

должен исполнять все свои «рабские работы» (*δοῦλικὰς ὑπείας*), а манумиссор может наказывать его в случае провинности так, «как он захочет». Тем не менее рабы шли на это, так как, несмотря на указанные условия, они все же переставали быть рабами, их социальный статус изменялся, хотя личная зависимость от бывшего рабовладельца сохранялась и иногда в течение многих лет.

Наличие подобной двойной связи зависимого человека, т. е. связи непосредственно с тем, от кого он зависит, и связи, определявшей его положение в общей системе, делает понятным, почему нельзя механически переносить терминологию, соответствующую отношениям в обществе данной структуры, на отношения в обществах иного морфологического характера: социально-экономические отношения могут оказаться сходными (и это сходство не является случайным), но общественные системы по своей структуре могут быть совершенно несходными³³.

Форма собственности еще не определяет, например, наличия в действительности «античного рабства». Существование и развитие этого рабства зависит от совокупности исторических условий, способствовавших или препятствовавших его развитию.

Рабство — широко распространенный институт на определенной стадии общественного развития, но это вовсе не значит, что чуть не все народы проходили через рабовладельческий строй. Определяющим в этом отношении моментом нам представляется не наличие рабства, но изменение его роли (на данном историческом отрезке) во всей социально-экономической структуре. Для выяснения понятия «раб» и «античное рабство» не лишне воспользоваться некоторыми положениями учения о классах предметов (логических классах) в математической логике.

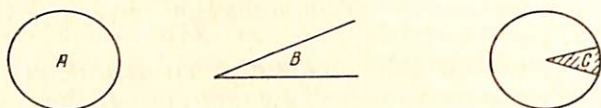
Под классами обычно понимают множества. Между двумя классами могут существовать различные отношения. Некоторые действия, произведенные над данными классами, порождают новые классы. Как известно, действие, называемое умножением (или пересечением) классов, состоит только те предметы, которые являются теми и теми классами. Этот новый класс называется произведением или пересечением взятых нами классов. Вот с таким действием мы и имеем дело при рассмотрении рабов в юридическом смысле (как предмета собственности) и рабов в экономическом смысле, как их часто понимают, имея в виду фактическое положение тех или иных социальных элементов (отсутствие у них средств производства, жестокое принуждение и т. д.). Для пояснения этого мы позволим себе использовать пример, приводимый А. Тарским.

Если взять произвольных диаметров окружности (т. е. предметы одного класса) и произвольной величины углы (т. е. предметы другого класса), то умножением этих двух классов мы получаем новый класс, а именно,

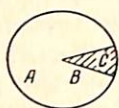
³³ Ср., например, в сущности некритическое использование феодальной терминологии у Кардашья (*Cardaschia*, ук. соч., стр. 5 сл.) для характеристики социально-экономических отношений персидской эпохи. Позволяем себе употребить эпитет «некритическое», потому что такие явления, как *fief*, *feudataire*, *seigneur*, *vassal*, *bénéficiaires* (*des groupes de fiefs*) и т. д., рассматриваются в этом труде как сами собою разумеющиеся, без определения их и обоснования этого словоупотребления. Факт раздачи царем земли свидетельствует якобы уже о феодализме (стр. 8). Автор, критикуя интерпретацию одного из документов, данную американским ученым Лутцом, полностью при-
мыкает к последнему в своем общем взгляде на архив Мурашу, в котором, по мнению обоих, можно найти большое число параллелей между вавилонским феодализмом и европейским феодализмом средних веков (*Cardaschia*, ук. соч., стр. 182).

³⁴ А. Тарский, Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948, стр. 118.

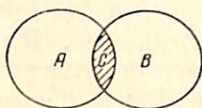
если вершину одного из углов поместить в центре одной из окружностей. Этим новым классом предметов будет фигура, называемая **сектором круга (С)**.

Подобное же действие с двумя классами — «рабов» в смысле сословия (А) и «рабов» в смысле людей, лишенных средств производства и подвергающихся внеэкономическому принуждению (В), — приводит к образованию **нового класса**, в состав которого войдут те и только те рабы в юридическом смысле, которые удовлетворяют и второму условию (т. е. не имеют средств производства и подвергаются принуждению).

Или, применяя круги Эйлера:

Их положение (С) и будет характеризовать отношения, которые обычно понимаются как «античное рабство». Такой сектор античного рабства может образоваться очень рано, существовать долго, но этого будет недостаточно, чтобы можно было говорить о рабовладельческом способе производства. Последнее будет возможно и покажется убедительным лишь тогда и только тогда, когда мы сможем установить, что этот сектор расширяется, что сословие все больше принимает характер класса, а отношение рабства делается доминантой в совокупности всех социально-экономических отношений данной системы.

Выше мы заметили, что совпадение юридического статуса и фактического положения наблюдается в начале процесса общественно-политического развития. Это не противоречит тому, о чем говорится здесь, так как хотя юридический статус и позже остается примерно тем же, но социально-экономическое отношение изменяется: вначале это была зависимость иного типа, чем несколько веков позднее (раб мог обладать средствами производства, его фактическое положение было иным), тогда как здесь мы имеем в виду людей, лишенных средств производства и подвергающихся внеэкономическому принуждению. Пересечение в первом случае приводит к патриархальному рабству, во втором — к рабству античному. Поэтому можно согласиться с утверждением, что «несомненно и в Риме был такой момент в развитии рабовладения, для которого наши понятия „класс рабов“ и „сословие рабов“ совпадают», и что «подобное совпадение имело место в ранний период римской истории, в период относительной слабости и неразвитости рабовладельческих отношений»³⁵. О положении в этом отношении в ранний период римской истории мы можем только догадываться. Сближение сословия рабов и класса рабов, а не разрыв между ними, проис-

³⁵ С. Л. У т ч е н к о, Кризис и падение Римской республики, М., 1965, стр. 141 сл.

ходит уже на другой основе, чем в ранний период, значительно позже, во II—I вв. до н. э.

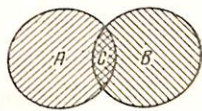
Эти соображения делают понятным и тот факт, что рабовладельческий строй удерживается и даже продолжает развиваться и в первые два века Римской империи, как это убедительно показала Е. М. Штаерман в своих работах, хотя завоевательные войны надолго прекращаются. Тем более, что источниками рабства не обязательно была война.

Конечно, понятие «рабовладельческий строй» шире, чем «античное рабство». Последнего может не быть, а рабовладельческий строй все же может существовать. Рабы могут не подвергаться жестокому принуждению, могут не быть «рабочими животными», могут обладать имуществом или даже правоспособностью, но если они в общем заняты в производстве и играют там решающую роль по сравнению со свободными, то их следует признать за основной класс, а строй — рабовладельческим. Таким образом, решающим, естественно, является роль рабов в производстве ³⁶. Но для констатации рабовладельческого строя еще недостаточно наличия рабства и даже «античного рабства», если оно существует лишь в качестве небольшого сектора и если нельзя обнаружить тенденцию к его дальнейшему развитию. Это, впрочем, не препятствует тому, что при изменившихся исторических условиях этот сектор может прийти в движение и его значение начнет быстро возрастать.

Можно поэтому уяснить и ту логическую ошибку, которую совершали историки, причисляя к рабам людей, лишенных средств производства и подвергавшихся внеэкономическому принуждению. Они производили действие не умножения (пересечения), но объединения (сложения) двух классов (логических), которое заключается в том, что получаемое новое множество есть множество тех и только тех элементов, которые принадлежат и л и одному, и л и другому классу (или обоим) ³⁷. Прибегая снова к кругам Эйлера, мы получаем:

А — 1-класс, В — 2-класс, С — пересечение. Вся заштрихованная поверхность (А, В, С) — объединение. Достаточно взглянуть на чертеж, чтобы увидеть, насколько велико различие между пересечением и объединением. Стремление обнаружить большое число рабов и приводит иногда к смешению этих двух действий, к тому, что рабы в юридическом смысле механически объединяются с людьми свободными, но лишенными средств производства и подвергающимися принуждению, хотя содержание этих двух понятий разное.

Нам могут возразить: рабы — вовсе не сословие, а вещь, с точки зрения древнего права. Очень отчетливо этот взгляд высказан в статье Г. Ф. Ильина «Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов» ³⁸, где автор, справедливо утверждая, что не существовало особой варны рабов, прибавляет, что «такой варны и не могло быть по той же причине, по какой нигде рабы не могли составлять сословие, так как даже в древней Индии, с ее примитивным и неразвитым рабовладением, рабы, в принципе, были исклю-

³⁶ Характерным в этом отношении представляется вывод В. Рубена (W. R u b e n, *Die Lage der Sklaven in der altindischen Gesellschaft*, В., 1957, стр. 101 сл.): он признает, что рабы в древней Индии не играли решающей роли в производстве, что в этой аграрной стране с ее мелким производством крестьян и ремесленников применение труда рабов было нерентабельно, что рабы лишь помогали в домашнем хозяйстве женщине и главе семьи. Верно лишь одно, замечает автор, что позднее общество в Индии получает феодальные черты. Тем не менее общественный строй древней Индии, заключает Рубен, рабовладельческий, хотя и неразвитый по сравнению с Грецией и Римом.

³⁷ Дж. Кемени, Дж. Снелл, Дж. Томпсон, Введение в конечную математику, М., 1965, стр. 78 сл.; Тарский, ук. соч., стр. 117 сл.

³⁸ ВДИ, 1950, № 2, стр. 106 сл.

чены из числа юридических лиц и были подчинены законам, которыми регулировалась собственность на вещи». Этот аргумент столь же убедителен, как если бы на этом же основании стали утверждать, что рабы не были в Индии (и везде) и классом, так как класс — это группа людей, занимающих одинаковое положение в производстве, а раб был вещью, а не человеком!

Рабы не имели прав свободных, они постоянно противопоставляются последним (ср. *δοῦλοι* — *ἐλεύθεροι*). Они представляли собою часть населения государства, резко отличавшуюся в юридическом отношении от других, следовательно, с нашей точки зрения, они составляли сословие, хотя бы древние и рассматривали их как вещь (впрочем, далеко не всегда). У древних вообще не было понятия сословия в современном смысле или класса-сословия и для других частей населения. Это — наши понятия, которыми мы пользуемся, когда хотим выяснить не особенности употребления терминов, обозначавших рабов, например у греков, а реальное положение, в котором находилась та или иная часть населения.

В дальнейшем изложении мы будем подразумевать под «рабами» людей, принадлежащих к сословию рабов, т. е. признаваемых таковыми действующим правом, являющихся собственностью других людей или коллективов, или даже «божества», но не обязательно товаром, не обязательно лишенным средств производства или даже правоспособности, не обязательно жесточайшим образом угнетаемых. Под «античным рабством» мы понимаем пересечение³⁹ логического класса рабов в указанном смысле с классом людей, лишенных средств производства и понуждаемых к подневольному труду. Лишь при таком словоупотреблении можно избежать парадоксального вывода относительно, например, поденщиков в эллинистическом Египте, которые были свободными людьми, но в то же время якобы рабами⁴⁰.

Высказанные нами соображения в такой же мере относятся и к проблеме феодализма. Феодальную общественную формацию иногда характеризуют так, что эта характеристика может быть применена к некоторым обществам, которые признаются за рабовладельческие. В самом деле, если указывается⁴¹, что в отношении уровня производительных сил эпохе феодализма свойственно преобладание натурального хозяйства и простого воспроизводства с элементами товарно-денежных отношений, то это же самое мы наблюдаем и в большей части обществ, относимых к рабовладельческой формации. Конечно, не для всех этих обществ, но во всяком случае для некоторых из них, подходит и второй признак, относящийся к способу производства: сочетание крупной поземельной собственности с рядом мелких хозяйств. Наконец, если основываться на классовом антагонизме, то антагонизм крупных землевладельцев и эксплуатируемого ими зависимого крестьянства также можно обнаружить, по крайней мере, на древнем Востоке и в странах эллинизма.

Понятие «феодальная формация», определенное указанными признаками, оказывается чересчур широким, если мы обратим внимание на то, что в этих признаках отсутствует указание на политическую структуру феодального общества, которая и была выражением его социально-экономической структуры, связанной в своей основе с внеэкономическим принуждением.

Ту же особенность при определении феодализма мы видим и во «Введении» к III тому «Всемирной истории». Здесь говорится, что земля была

³⁹ В указанном выше (стр. 17) смысле.

⁴⁰ Струве, ук. соч., стр. 79 сл.

⁴¹ А. И. Неусыхин, Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв., М., 1964, стр. 17.

собственностью феодалов, что собственность на землю являлась основой средневекового феодального общества, что личная зависимость крестьян от феодалов и вытекавшее из нее внеэкономическое принуждение составляли типичную черту феодального строя ⁴². Но внеэкономическое принуждение — типичная черта всех докапиталистических обществ. Формула же «собственность феодалов на землю являлась основой средневекового феодального общества» страдает логическим дефектом, поскольку понятие «феодалы» входит в это определение, но само не определяется. Нельзя же считать феодалами крупных землевладельцев, на земле которых работали непосредственные производители — крестьяне, так как тогда можно будет найти феодализм и в древнем Египте и в Месопотамии, что авторы «Введения» справедливо ставят в упрек зарубежным исследователям ⁴³, основывающимся исключительно (или главным образом) на представлении о политической системе. Логическая структура вывода в обоих случаях сходна. Если политическая система, взятая вне связи с ее социально-экономической основой, получает внеисторический характер, то и социально-экономические отношения докапиталистического общества, взятые в отрыве от политической структуры, представляются лишенными *différentia specifica*, которую составляет эта структура — форма собственности и система классов-сословий.

Мы не считаем приемлемым определение феодализма как типа общества, даваемое в зарубежной историографии, например Ганшофом ⁴⁴, поскольку экономика, общественная структура и основные формы зависимости в этом определении охарактеризованы недостаточно, но все же этот автор указывает на некоторые существенные признаки феодального строя, которые отсутствуют в приведенных выше определениях феодальной общественно-формации: на развитие форм зависимости, охватывающее все общество, на крайнее дробление права собственности, дробление публичной власти, на использование в собственных интересах прав, принадлежавших государству и т. д.

При характеристике строя общества докапиталистической эпохи нельзя, нам кажется, пройти мимо его политической системы, поскольку она представляет собою выражение основного принципа экономики того времени, построенной на применении внеэкономического принуждения.

Если в системе сословий часть прав, принадлежащих центральной власти по отношению к населению данного округа или области, оказывается в руках определенного социального слоя (а именно, военного, например рыцарей в Восточной Германии XII—XVI вв.), то это население, оставаясь еще даже в большей своей части свободным, попадает с течением времени в зависимость от своего соседа, обладающего этими правами. Это еще не феодализм и не крепостничество. Однако если будущий феодал, используя свою власть, ставит подчиненное ему население в экономическую зависимость, облагает его поборами (или присваивает себе поборы в пользу центральной власти), стесняет личную свободу своих соседей-крестьян или ремесленников (например свободу передвижения), то он превращается в настоящего уже феодала.

Мы уже указывали, что наличия определенного отдельного социально-экономического отношения еще недостаточно для того, чтобы установить, имеем ли мы дело с рабовладельческим строем или с феодализмом, так как и в древности, и в средние века встречаются самые разнообразные формы

⁴² «Всемирная история», III, М., 1957, стр. 10 сл.

⁴³ Там же, стр. 19.

⁴⁴ F. L. G a n s h o f, Qu' est-ce que la féodalité?, Bruxelles, 1957, стр. 11.

зависимости, иногда очень сходные. Недостаточен также и тот признак, который обычно приводился для доказательства, что перед нами рабы упоминаемые в источниках люди являются собственностью других лиц, их можно покупать и продавать. Ведь ограничиться им — значит лишь констатировать существование рабства, что не дает еще решения вопроса о роли рабов в производстве.

Нам думается, что основное различие коренится не в этих отдельных чертах рабства или крепостничества, но в характере той общественной системы, из которой может развиться впоследствии рабовладельческий или феодальный строй. При господстве внеэкономического принуждения организация государства, т. е. аппарата принуждения, должна была иметь огромное значение для социально-экономических отношений, или, вернее сказать, эта политическая организация, система юридических категорий, охватывавших ту или иную часть населения, и была выражением экономики. Кому принадлежала власть и в какой мере до известной степени определяло направление развития общества.

Если эта власть принадлежала гражданской общине (мы сейчас не имеем в виду политического устройства, которое могло быть различным — олигархическим или демократическим), то естественно, что такая община противопоставляла себя как иностранцам, так и несвободным элементам, попавшим под власть ее граждан. Это еще не означало, что ее дальнейшее развитие обязательно пойдет по пути роста рабовладения и, тем более, что оно приведет к «античному рабству», но содержало возможность такого развития.

Другое дело, если часть политических полномочий оказывалась в руках отдельных лиц, которые имели возможность, пользуясь ими, экономически подчинять себе своих сограждан или (в случае завоевания) иноплемеников. Опять-таки и здесь еще нет готового, сложившегося строя — феодализма, есть только известная возможность двигаться по направлению к нему.

Наконец, если не гражданство в целом как привилегированная и правящая община и не отдельные лица, обладающие известными политическими правами, противостоят массе неполноправных или зависимых людей, а государство в лице обладателя политической власти (с неограниченной или даже и ограниченной властью), а иногда и верховного собственника населения. В таком государстве не совокупность граждан или лиц, принадлежащих к определенному сословию и обладающих политическими правами, противостоят остальному населению, лишенному политических прав или находящемуся в зависимости, но грань проходит между теми слоями, из которых складывалось правящее сословие и в интересах которых действовал государственный аппарат (причем они могли включать различные в социально-экономическом отношении элементы: чиновников, землевладельцев, аристократов, позднее крупных торговых дельцов, но всегда тесно связанных с государственным аппаратом), и всем остальным населением, свободным и зависимым ⁴⁵.

Высказывая эту мысль, мы отнюдь не хотим представить государство как какую-то самостоятельную силу, стоящую над обществом. Нет, политическая организация и в этом случае есть выражение социально-экономической системы, орудие подавления определенной части общества в интересах

⁴⁵ Мы не касаемся здесь вопроса о так называемом «азиатском способе производства», поскольку этот вопрос требует специального рассмотрения. Во всяком случае то, о чем говорится здесь, есть нечто более широкое и многообразное, чем господство верховного собственника — царя — над совокупностью мелких общин.

другой, господствующей. Но эксплуатация непосредственных производителей может быть организована различным образом, и роль государства в этой организации эксплуатации может быть неодинаковой. Государство не только было орудием подавления эксплуатируемых, но могло и само их эксплуатировать, или, вернее, используя непосредственно его институты, его аппарат, его огромную силу, господствующие слои населения, образующие правящее сословие, могли эксплуатировать массу населения. В древности мы это видим в государствах Востока (например в Египте), позднее — в эллинистических государствах и в Римской империи. Было бы неправильно ставить знак равенства между подобной организацией производственных отношений и рабовладельческим или феодальным обществом: различие обуславливается как характером всей общественной системы, так и особенностями форм зависимости. Эти формы могли быть очень многообразными⁴⁶, но характерной их чертой являлось широкое применение государственного принуждения.

* * *

Для преодоления затруднений, которые возникают при применении понятия «рабство» к конкретному историческому материалу, необходима, как нам кажется, большая ясность и полнота содержания в тех понятиях, которыми нам приходится оперировать с целью известной систематизации фактических данных во всем их многообразии. Для этого, очевидно, следует рассмотреть подробнее признаки, которые характеризуют формы зависимости и которыми мы пользуемся при определении последних, так как сочетание или, наоборот, отсутствие тех или иных из этих признаков и обуславливает это многообразие. С другой стороны, важно отметить главные черты форм зависимости. На основании сказанного можно утверждать, что если ограничиться слишком общими определениями без такого более детального анализа этих систем (вроде, например: «перед нами рабовладельческое общество» или «неразвитое рабовладельческое общество», или «рабовладельческое общество с пережитками доклассового строя»), то мы не сможем прийти к удовлетворительным результатам в понимании и объяснении исторических явлений.

Для большей части форм зависимости в докапиталистических обществах характерно, как мы видели, наличие непосредственного принуждения. Но если мы и можем обнаружить его в большинстве случаев, то степень и форма этого принуждения представляются очень разнообразными. Господство может быть установлено как над личностью эксплуатируемого, так и над средствами производства и средствами потребления. В докапиталистических обществах мы можем большей частью наблюдать либо господство над личностью работника, либо господство над частью и над личностью и над средствами производства, либо господство над частью средств производства (например земель). С другой стороны, и то и другое порабощение может быть полным или частичным. Таким образом, мы получаем следующие виды зависимости.

А. Личность свободна:

а) средства производства в руках эксплуататора. Эта форма зависимости может встретиться и в докапиталистических обществах, но господство лишь над средствами производства, как общее правило, характерно только для капиталистического строя;

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

б) основная часть средств производства находится только в распоряжении правящего сословия или класса-сословия (например земля), но лишённые права владения этой частью — свободные (например афинские метеки).

В. Личность порабощена

1. полностью:

а) средства производства полностью принадлежат господствующему сословию или классу-сословию;

б) средства производства частично в руках эксплуатируемых;

2. частично:

а) средства производства принадлежат представителям господствующих сословий;

б) средства производства частично в руках эксплуатируемых.

Власть господина над личностью зависимого человека в какой-то мере всегда соединяется с господством над средствами производства, хотя формы этого господства могут быть различными.

Указанные четыре формы зависимых отношений в докапиталистических обществах (В, 1, а—б; 2, а—б) получаются чисто логическим путем посредством понятий полной или частичной апроприации личности или средств производства. Но уже и из этого расчленения понятий видно, какой различный характер могли иметь формы зависимости. Зависимый человек мог находиться в полном порабощении у своего господина (индивидуального или коллективного), к нему могли быть применены все средства физического принуждения, но при этом он мог и не быть рабом (ср. описание работ в рудниках Эфиопии, заимствованное Диодором, III, 12—14 у Агартархида), или же способы принуждения так или иначе ограничивались (ср. ограниченную власть спартиата по отношению к илотам на его клере или оговорку в некоторых дельфийских манумиссиях о праве наказывать парамонария, но так, чтобы не наносить ему увечья, например SGD1, 2261: *πλαγαῖς ἀσινέοις*).

«Связанность» зависимого человека бывает обусловлена разного рода принуждением: он может быть связан с личностью своего господина или же с его владением (и прежде всего с землей), быть своего рода придатком к этому владению. С другой стороны, зависимость может быть постоянной, передающейся из поколения в поколение, традиционной, или же носить временный характер.

Маркс придавал большое значение традиции для социально-экономических отношений. Он писал об этом в связи с вопросом о возможности накопления имущества у крепостных ⁴⁷ и утверждал, что «при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль». Под традицией здесь понимается постоянное воспроизводство базиса и соответствующего отношения, придающее устойчивость данному способу производства.

«Традиционное» (traditional) социальное действие занимает важное место и в социологии М. Вебера. В частности, он также указывает, как простое повторение событий сообщает им значение известной нормы ⁴⁸. В применении к античности впервые на роль традиции обратила внимание Е. М. Штаерман в одной из самых интересных глав своей монографии о рабстве в Римской империи I—II вв. н. э. ⁴⁹. Она рассматривает значение традиции в связи с вопросом о состоянии данной формы социально-экономических отношений (их устойчивости или намечающегося упадка) и о явлениях в этих случаях в области идеологии.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 356.

⁴⁸ M. Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen, 1925, стр. 378 сл.

⁴⁹ Е. М. Штаерман, *Рабство в Римской империи*. Италия (в печати).

Мы хотели бы подойти к проблеме традиции с несколько другой точки зрения. Можно ли в формах зависимости различить формы традиционные и нетрадиционные? Этот вопрос был затронут Ф. Эртелем в его рассуждениях о литургии⁵⁰, которую он считает в противоположность «традиционной зависимости» нетрадиционной. По этому поводу можно сказать, что различие здесь есть, но оно носит относительный характер. Литургии, которые должны были, например, нести богатые граждане в Афинах, конечно, нечто иное, чем традиционное бремя, которое выпадало на долю многих рабов, но и эти литургии стали также в значительной мере традиционными. Также и *μερίσμός* в птолемеевском Египте II—I вв. до н. э., т. е. сдача земли в принудительную краткосрочную аренду, представляет собою литургию на короткий срок⁵¹, повторяющуюся, но вовсе не сделавшуюся общим законом, вовсе не свидетельствующую о «крепостничестве» царских земледельцев. Однако самое повторение того или иного мероприятия способствует тому, что это мероприятие начинает приобретать характер традиции. В каждом конкретном случае приходится, таким образом, учитывать и этот признак в отношениях зависимости.

Момент принуждения может найти себе выражение в отобрании продуктов труда зависимого человека (всех или только части этих продуктов), в наложении пени за те или иные проступки (проступки с точки зрения обладателя власти), в ограничении свободы передвижения (опять-таки в различной степени: полное прикрепление к данному месту или запрещение переселяться в определенное место, запрещение следовать за господином или, наоборот, обязательство делать это и т. д., назначение трудиться в совершенно определенной отрасли и т. д.). Таким образом, даже один признак зависимости — наличие внеэкономического принуждения — может обуславливать многочисленные варианты отношений.

Нельзя также удовлетвориться общим утверждением о наличии или отсутствии средств производства у зависимого человека. Они могут отсутствовать полностью или частично. В распоряжении зависимого человека, например, могут быть орудия производства, но не земля, или у него может быть земля, но в ограниченном его распоряжении. Или он может обладать известным имуществом, притом различного рода: недвижимостью (например домом) или движимым имуществом, или деньгами, или и тем и другим, а иногда даже и зависимыми людьми, или он не обладает не только средствами производства, но и средствами существования, получая последние от господина в виде месячины и т. д.

Существенными также оказываются и способ и масштабы апроприации продуктов труда зависимых людей. Эти продукты могут отбираться полностью или частично, в натуральной или денежной форме; зависимый человек должен работать для своего господина, опять-таки полностью отдавая ему свое рабочее время или лишь частично (барщина в средние века, орбеге колоннов по надписи из Saltus Burunitanus и пр.). В этой связи имеет значение и где он работает: на земле или в рудниках, в доме владельца или в его мастерской.

Важно это потому, что эти условия работы влияют на формы зависимости (ср., например, условия труда и положение работников в ткацких мастерских в эллинистическом Египте), и особенно потому, что они различным образом связаны с общей обстановкой развивающегося товарного обмена. Имеет значение также и то, существует ли и как организован надзор над работой зависимого человека или же ему предоставляется трудиться

⁵⁰ F. O e r t e l, Die Liturgie Studien zur ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Ägyptens, Lpz, 1917, стр. 3.

⁵¹ З е л ь и н, Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры, стр. 335.

более или менее самостоятельно, а с него требуют лишь определенный доход (в натуральной или денежной форме; ср., например, положение рабов на условии *ἀποφορά* в Афинах IV в. до н. э.).

Масштабы внеэкономического принуждения — его размеры и напряженность — вовсе не обязательно пропорциональны размерам власти над средствами производства: можно представить себе, например, что эксплуатируемые владеют частью средств производства (например орудиями), самостоятельно работают и пользуются частью получаемого урожая, что они могут даже накопить известные денежные излишки и вместе с тем что они подвергаются самому жестокому принуждению. Примерно в таком положении, например, находились спартанские илоты.

Мы уже отмечали, что изолированное изучение отдельного социально-экономического отношения не может быть плодотворным. Зависимость от целого представляется двоякой: это целое, одним из элементов которого является данное отношение, определяет значимость и место данного отношения во всей структуре общества, и само это целое может быть эксплуататором или эксплуатируемым⁵². Особенное значение, как мы видели, эта зависимость приобретает в докапиталистических обществах в связи с наличием в этих обществах сословий и с процессом возникновения и первоначального развития собственно классовых противоречий, классов в смысле общественных групп, занимающих сходное место в производстве.

В общем, учитывая сложность общественных связей и разнообразие отношений и пытаясь в какой-то мере систематизировать формы зависимости, мы должны решать двоякую задачу: а) установить таксономические единицы для этих форм и б) проделать сходную работу и для систем, в состав которых входят те или иные социально-экономические отношения.

Как отдельные отношения, так и целые их системы возникают и развиваются в определенных естественных и исторических условиях. Поэтому нельзя не отметить, что начиная с периода архаической Греции и до конца античности все формы непосредственного принуждения существовали и изменялись в обстановке роста (или соответственно — упадка) товарного производства, которое не могло не явиться формообразующим и модифицирующим фактором в развитии вариантов зависимости. Действие этого фактора могло сказываться по-разному. Во многих случаях развитие товарного обмена способствовало росту внеэкономического принуждения, поскольку эксплуатируемый и зависимый человек становился одним из видов товаров, превращался в вещь продаваемую и покупаемую, и возможность реализации его стоимости на рынке удовлетворяла стремлению к наживе (*хέρδος*), которое так ярко сказывалось, например, в греческом обществе уже в первой половине IV в. до н. э. (Ксенофонт) и содействовало его дальнейшему развитию.

С другой стороны, рост товарного обмена мог приводить иногда к некоторому ослаблению непосредственной власти господина над зависимым человеком, к тому, что последний начинал пользоваться большей самостоятельностью и, хотя его юридическое положение не менялось, фактическое положение, в котором он теперь оказывался, отличалось от того, в каком он находился, работая в чужом хозяйстве под непосредственным надзором своего владельца: теперь он должен был вносить господину своего рода оброк, реализуя продукты своего специализированного труда на стороне.

На положение зависимого человека, каково бы оно ни было, влияло превращение господствующего лица в торговца, заинтересованного в сбыте продуктов труда зависимых от него людей на рынках. Могло случиться,

⁵² Т. е., если иметь в виду отдельное отношение $A \rightarrow B$, где A — обладающий властью над личностью B и средствами производства, а B — лицо зависимое, то может быть, что A или B оказываются не отдельной личностью, а тем или иным коллективом.

что и сам зависимый человек становился торговцем. Стремление со стороны государства использовать выгоды товарного обмена приводило также к развитию своеобразных форм принуждения в комбинации с принципами товарного производства: от полного порабощения с применением жесточайших средств принуждения до сравнительно мягких форм зависимости, сводившихся к уплате некоторой доли доходов государству.

Наконец, поскольку товарное производство далеко не охватывало всех отраслей труда, продукты труда зависимых людей могли не выходить за пределы данного хозяйства (индивидуального или коллективного), и тогда для отношений зависимости характерна их относительная независимость от развития товарного обмена.

Многообразие форм зависимости способствуют различные конкретно-исторические условия их генезиса и последующего развития. Можно приветствовать, что в советской науке прозвучало признание ошибочности недооценки роли географической среды в развитии общества⁵³. А. Я. Гуревич склонен придавать огромное значение комплексу природных условий «в возникновении и интенсивном развитии системы античного рабства в странах средиземноморского бассейна или, скажем, в замедленности эволюции многих народов экваториального пояса».

Не считая возможным решать столь определенно данную проблему без предварительного тщательного анализа и самой сущности форм зависимости и «эмпирических обстоятельств», мы все же должны признать, что без изучения взаимодействия данной системы социально-экономических отношений и природной среды, в которой она возникла и развивалась, а также исторической обстановки — взаимоотношений с другими социальными системами, темпа и характера политического развития и т. д. — нельзя понять и развитие интересующих нас форм зависимости.

Было уже замечено выше, что при анализе и классификации форм зависимости необходимо учитывать их генезис и его особенности. В общем можно наблюдать два способа этого генезиса: зависимость возникает или в виде отдельного социально-экономического отношения, в порядке частного права, или в результате политического воздействия, в порядке публичного права. К первому виду генезиса относятся, например, такие случаи установления зависимости, как зависимость должника от кредитора вследствие задолженности первого, не могущего выплатить свой долг, зависимость как следствие судебного решения, как результат самопродажи, возникновение зависимости в результате договора, заключаемого с человеком или божеством (как, например, частная аренда земли, зависимость *хатохи* в эллинистическом Египте), или, наконец, несвобода как результат прямого принуждения (со стороны разбойников, пиратов, магната в эпоху Поздней Римской империи и т. д.).

Но зависимость нередко имеет публично-правовой характер, возникает в результате акции государства. Можно, например, отметить завоевание как фактор установления зависимости, следствием которого может оказаться порабощение или более или менее тяжкая зависимость населения целых областей; далее следует указать на политику государственной власти по отношению к тем или иным разрядам населения страны (ср., например, постановление Птолемея II Филадельфа о *сфизта лагика* в Сирии). Большое значение в античности имели при этом требования фиска (Китай эпохи династии Хань, эллинистический Египет, Поздняя Римская империя).

Самую существенную роль в генезисе форм зависимости играла общественно-политическая структура, в которой содержались предпосылки для развития тех или иных отношений.

⁵³ А. Я. Гуревич, Общий закон и конкретная закономерность в истории, ВИ, 1965, № 8, стр. 19.

Другой исторически важный момент в генезисе отношений зависимости — это их характер в связи с их воспроизводством. В этой связи отношения зависимости следует подразделить также на два вида, которые можно было бы назвать моногенетическими и полигенетическими формами. К первым принадлежат те, которые, раз возникнув, переходят из поколения в поколение, не нуждаясь в повторении процесса первоначального возникновения отношений: воспроизводство определяется первоначальным актом установления зависимости (илотизм, рабство как следствие происхождения от раба или рабыни — рабы *οἰκογενεῖς*, крепостничество). В полигенетических формах процесс возникновения зависимости продолжает повторяться, притом зависимость эта возникает различными способами (развитие колоната, рабство как следствие различных причин: захвата пленных, самопродажи, задолженности и пр.). При рассмотрении как моногенетических, так и полигенетических форм мы всегда можем обнаружить воздействие двух общих факторов: непосредственного принуждения или товарного производства, но в разных комбинациях, в разных масштабах.

Необходимо отметить, что генезис отношений может быть сходным, а самые отношения, появляющиеся в результате данного способа их возникновения, различными. В сравнительно поздней античности при массовых захватах военнопленные и население, не участвовавшее в военных действиях, нередко оказывались порабощенными в смысле античного рабства, тогда как, например, массовый захват населения враждебной страны хеттами отнюдь не приводил к развитию античного рабства: пленников уводили во внутренние области государства и сажали их там на землю. Принуждение выражалось в том, что этим людям (*NAM·RA*) запрещалось покидать местность, где они были поселены, но от этого до античного рабства еще далеко. Таким образом, если характер генезиса и имеет значение при возникновении той или иной формы зависимости, то все же главное это не то, кем были эти люди, а то, кем они стали, т. е. каково место возникающего отношения в системе, какова его морфологическая и функциональная природа.

Генезис отдельного отношения не может в истории играть ту роль, которую филогенезис играет в биологии. Кита сейчас, несмотря на его образ жизни и некоторые морфологические признаки, никто не считает рыбой, а летучую мышь — птицей. Решающим здесь является не только и даже не главным образом морфологический анализ, но филогенезис. Другое дело в истории: одинаковый генезис отношения (например в результате завоевания) мог приводить к самым различным результатам: ср. судьбу населения в Спарте после дорийского завоевания или судьбу 150 000 эпиротов, обращенных в рабство римским консулом в 167 г. до н. э., или положение египетского населения в эллинистическом Египте после македонского завоевания, или, наконец, судьбу коптов после утверждения арабов в Египте в 640 г. Вполне возможны также случаи, когда различные условия порождали сходные или даже тождественные отношения, которые можно располагать по их главным признакам в группы более общего характера и таким образом наметить известную систему.

Нельзя считать, впрочем, что все формы зависимости всегда возникают с применением принуждения. Их возникновение может быть связано и со «свободным» соглашением заинтересованных лиц в том смысле, что от данного лица зависит заключать соответствующий договор или не заключать. Решение определяется соображениями выгоды, экономической необходимости и пр. Такого рода зависимыми людьми были *δερῶντες* в гомеровскую эпоху, *φίλοι* — воины на службе у командира наемников в «Анабасисе» и «Киропедии» Ксенофонта, наемные рабочие в Греции и эллинистических государствах, клиенты своих патронов в конце Римской республики

когда не только отдельные лица, но и города признавали патронат какого-нибудь могущественного лица, зависимые люди патронингов в Поздней Римской империи, вассалы средних веков. «Свобода» эта была большей частью призрачной. Но важно отметить, что принуждение в этих случаях не было непосредственным, внеэкономическим, но отличалось иным характером: оно имело некоторое сходство с экономическим принуждением в эпоху капитализма. Это и понятно: во всех классовых обществах средства производства, как правило, находятся в руках представителей господствующего сословия или класса-сословия, и поэтому всегда может возникнуть такое положение, что человек, не будучи подневольным, но лишенный средств производства в полной мере или даже частично, вынужден «добровольно» вступать в зависимость от лица, располагающего этими средствами. Коренным отличием, однако, от буржуазных порядков было то, что возникавшая таким образом зависимость имела большей частью личный характер, связывала зависимого человека с определенным патроном и что эта зависимость отнюдь не была следствием высшего развития товарного производства, но являлась обычно выходом из еще более тяжелой зависимости от государства или же способом найти известную опору людям, потерявшим связь с этим государством.

Все сказанное должно было способствовать уяснению основной проблемы, интересующей нас, — вопроса о приемах систематики социально-экономических отношений. Нам хотелось показать, что при попытках такой систематики методически правильно было бы, исходя из данных источников, наметить сначала низшие таксономические единицы и, постепенно восходя к более высоким, т. е. охватывающим эти низшие единицы, прийти к более общим и абстрактным понятиям. Для этого, нам кажется, следует, не решая предварительно вопроса, с какой формацией мы имеем дело в том или ином случае, выяснить последовательно и, насколько это позволяют источники, достаточно полно признаки различных форм зависимости и присмотреться к той картине, которую определит совокупность исследованных нами отношений. Это изучение отдельных форм зависимости должно быть связано с исследованием структуры той системы, элементами которой являются эти формы.

Конечно, те или иные признаки имеют неодинаковое значение в систематике. Подобно тому как современная систематика цветковых растений построена не на одном каком-нибудь признаке, как это было в системе Линнея, а как уже говорилось, с учетом многообразных факторов и прежде всего филогенезиса, так и систему форм зависимости, если возможно будет ее создать, нельзя строить лишь на одном, хотя бы и существенном, признаке. Мы не можем придерживаться ни только той противоположности, которая была столь живой и характерной для сознания античного человека — *δοῦλος* — *ἐλεύθερος*, ни новейшей формулы: раб — это существо подневольное и лишенное средств производства, но должны по возможности стремиться учесть важнейшие признаки в двух аспектах: признаки, характеризующие отношение между зависимым человеком и тем, от которого он зависит, и, с другой стороны, характеризующие место и значение этого отношения во всей общественной системе.

Определение того, что является существенным признаком, вытекает из основных методологических соображений, высказанных выше. Эти признаки сводятся в общем к следующему: а) господство над личностью зависимого человека или (или: и) над средствами производства, иными словами, степень и формы внеэкономического принуждения; б) место и значение данной формы зависимости во всей структуре общества (в системе классов, сословий и классов-сословий); признаки, указывающие в) на связь формы зависимости с развитием товарного производства; г) на ее обусловленность

исторической обстановкой, на ее генетические и трансформационные связи.

Одной из задач изучения форм зависимости в различных обществах древнего мира и должно явиться создание более или менее стройной таксономической системы форм зависимости в их необходимой и тесной связи с общественными системами. Лишь на основе такого изучения и можно, нам думается, подойти более углубленно и в соответствии с исторической действительностью к проблеме общественной формации. Д. Лотце заметил⁵⁴, что «между различными формами естественно существуют постепенные переходы и следует постоянно сознавать, что всякая систематизация является лишь вспомогательным мыслительным средством». С подобной формулировкой без оговорок, однако, согласиться нельзя. Конечно, невозможно представить или описать объект во всем многообразии его свойств и функций. В каждой науке приходится прибегать к идеализированному образу, к абстракции. Но все же научная систематизация должна соответствовать действительно существующим и существенным признакам исследуемых объектов, а в таком случае ее уже нельзя считать лишь вспомогательным умственным средством. Такая систематизация и может быть произведена путем тщательного изучения не только основных типов отношений или тех, которые представляются нам таковыми, но и многочисленных, переходящих одна в другую форм, о которых упоминает Лотце.

«Несвобода» как в разные эпохи, так и в пределах одного периода принимала в действительности (а не только в сознании современников) многообразные формы, и только их изучение и может дать вполне обоснованный вывод относительно того, что представляло собою все в целом.

Если бы в результате исследования мы и пришли к тому же общему заключению, которое делалось и без анализа, представляющегося нам необходимым, то все же это заключение получило бы более твердое основание, чем то, которое оно имеет теперь.

PRINCIPLES OF MORPHOLOGICAL CLASSIFICATION OF FORMS OF DEPENDENCE

by K. K. Zelyin

Several aspects of the problem of systematising forms of dependence are considered in the article. The objects of this systematisation are not isolated individuals but relations between people, and primarily their relations in the sphere of material production. But neither have relations ever existed in isolation: they always represent elements in a larger system (a tribe, a community, a state, a temple estate, etc.).

The class structure of precapitalist societies was marked by great complexity; not only classes, but statuses (сословия) existed in them. Without taking into account the legal structure one cannot grasp the forms of dependence. The legal and the actual situations often did not exactly correspond with one another. In characterising the social type of one of these societies one cannot ignore the political system, since it expressed the fundamental economic principle of an epoch in which the economic structure was based to a considerable degree on extra-economic compulsion.

In order to systematise the factual material in all its great variety, it is important to study the *symptoms* which characterise different forms of dependence, and also the structure of the corresponding social system.

⁵⁴ D. Lotze, Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων, Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr., B., 1959, стр. 60.

Beginning with archaic Greece and continuing to the end of antiquity all forms of dependence evolved in a context of growth (or decline) of commodity production, which acted as a forming and modifying factor in relation to them. Geographical, historical and other conditions also influenced forms of dependence. In analysing and classifying these forms it is necessary to consider their origin and the mode of their reproduction.

Any attempt to systematise forms of dependence should properly start from the lowest taxonomic units, and the analysis of these should be tied in with an examination of the whole system of which they are component elements. The «unfree» condition took many different forms, not only in various epochs, but also within one period, and the study of these forms may lead to quite solidly based conclusions as to the nature of the system as a whole.
